

DOI: 10.24412/2308-8079-2022-4-9

УДК 321.6:316.3

ДИКТАТУРА СТРАХА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Власова О.Ю.

Автор ставит перед собой задачу понять, возможна ли обратная эволюция манипулятивной диктатуры в сторону диктатуры страха в условиях современного информационного общества. В статье рассматриваются подходы к определению понятий диктатуры страха и манипулятивной диктатуры. Анализируются позиции, подтверждающие эволюцию диктаторских режимов от диктатуры страха к ее манипулятивному типу. Вместе с тем дается оценка развития современного информационного общества. Перечисляются и анализируются новые страхи, возникающие в связи с развитием информационного общества, а также влияние этих процессов на уровень доверия в обществе. Дана авторская оценка, которая подтверждает воздействие возникающих в информационном обществе страхов на политическое и общественное развитие в целом.

Ключевые слова: диктатура страха, манипулятивная диктатура, доверие, политические институты, информационное общество, антропология страха.

FEAR DICTATORSHIP WITHIN THE CONTEXT OF INFORMATION SOCIETY DEVELOPMENT

Vlasova O.Y.

The author's aim is to understand whether the reverse evolution of a spin dictatorship towards a fear dictatorship is possible within the context of contemporary information society. The article considers approaches to definition of the dictatorship notions of fear and the spin dictatorship. The article analyses positions confirming evolution of dictatorial regimes from dictatorship of fear to its spin type. At the same time, the development of the modern information society is assessed. New fears arising from the development of the information society and the impact of these

processes on the level of trust in society are listed and analysed. The author's assessment confirms the influence of fears in the information society on political and social development in general.

Keywords: fear dictatorship, spin dictatorship, trust, political institutes, information society, anthropology of fear.

Исследование выполнено в Государственном академическом университете гуманитарных наук, исследовательский проект № FZNF-2022-0009 - Проблема доверия к институтам как фактор политических процессов (122101000044-7).

Диктатура страха vs манипулятивная диктатура

Понятие диктатуры в XXI веке приобретает спектральное значение. Каждый случай представляется все более и более уникальным, а классификация диктаторских режимов все чаще отталкивается от их противопоставления с режимами демократическими.

С. Гуриев и Д. Трейсман в своей недавней работе «Диктаторы обмана: новое лицо тирании в XXI веке» объясняют, что классические диктатуры 20 века (такие как режимы Гитлера, Сталина и Мао), безусловно, опирались на страх как главное средство для строительства «новых цивилизаций» внутри вверенного им государства, а иногда и в попытке расширить его границы [8, р. 25]. Страх был инструментом контроля не только за общественно-политическими процессами, но также и за личной жизнью граждан. Главными тактическими инструментами таких диктаторов становились четко иерархизированная и дисциплинированная партия, а также секретные службы. И даже если диктатор не ставил своей целью запугивание граждан с помощью геноцида, насилия и убийств, то все равно именно террор являлся отличительной чертой и универсальным инструментом диктатуры двадцатого века.

Изменились ли диктатуры в XXI веке? И что заставляет диктаторов отказаться от такого действенного инструмента как «страх», а все больше формально притворяться демократами?

Есть широко обсуждаемое мнение, что переход от страха, как основного средства диктатуры, к манипуляциям – это широкий исторический тренд. Например, Стивен Пинкер отмечает, что человечество постепенно идет к отказу от войны как средства решения задач, а уровень насилия снижается как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе [9, р. 156]. Такой отказ от насилия в свою очередь не является следствием романтической человеческой природы. Фактически, это совместимо с трезвомыслящим взглядом на предрасположенность человека к насилию, прочно укоренившимся в эволюционной биологии. Человечество развивалось со склонностью к насилию, но такая склонность была вызвана конкретными историческими обстоятельствами. И хотя наш вид эволюционировал в рамках обстоятельств, которые способствовали насилию, человечество также развило мотивы, которые могут ему препятствовать, включая самоконтроль, сочувствие и чувство справедливости [7, р. 405].

Вместе со сменой исторических обстоятельств и с естественной эволюцией человечества меняются и диктаторские режимы. Как пишут Гуриев и Трейсман, на смену диктатуре страха приходит *манипулятивная диктатура*, которая опирается главным образом на информационные манипуляции, нежели на репрессии и террор [8, р. 33].

В качестве примеров манипулятивных диктатур авторы приводят Сингапур при Ли Куан Ю и Венгрию при Викторе Орбане. Отличительными чертами манипулятивной диктатуры являются:

1. Контроль над средствами массовой информации. Однако в отличие от классической диктатуры страха для создания видимости демократичности режима манипулятивная диктатура будет позволять существование нишевых изданий, где могут высказываться и публиковаться оппоненты существующей власти.

2. Проведение регулярных выборов, которые, в свою очередь, будут безусловно управляемыми, каждый раз обеспечивающими убедительную победу существующего режима.

3. Преследование и маргинализация политической оппозиции, но не окончательный запрет на нее.

4. Образ высокой компетентности лидера, а также высокий уровень одобрения со стороны граждан. Попытка избегания агрессивной риторики или явных репрессий, которые могли бы подорвать этот образ.

5. Использование коррупции на Западе и в международных институтах для кооптации союзников и расширения влияния манипулятивного диктатора на международной арене [6].

Действительно, Гуриев и Трейсман убедительно показывают, что в XXI веке все большее распространение получает именно манипулятивный тип диктатуры. Однако современное общество становится все менее и менее контролируемым с помощью манипуляций. Способствует этому большое число факторов: увеличивается уровень образованности и растет доля граждан с высшим образованием; постоянно растет аудитория интернета, несмотря на ужесточение контроля над ним; снижается доля граждан, получающих информацию исключительно посредством телевидения; растет интерес к либеральным ценностям в целом [3].

В связи с этим перед нами встают новые вопросы, обращенные в будущее. Выход на арену манипулятивных диктаторов – один из самых интересных политических феноменов последнего полувека. Но как долго именно манипулятивные диктаторы будут самым многочисленным классом в спектре диктатур? Мимикрируют ли оставшиеся диктатуры страха в диктатуры манипуляций, или, напротив, появившиеся манипулятивные диктатуры постигнет обратная эволюция?

Информационное общество и антропология страха

Многие исследователи называют современное общество информационным или, как минимум, приписывают ему большинство

признаков общества информационного. Под информационным обществом понимается такая стадия развития, когда использование информационно коммуникационных технологий (ИКТ) оказывает существенное влияние на основные социальные институты и сферы жизни. В общественной системе «информационное общество» предполагает, что «информация» (или то, что к ней относится) начинает играть определяющую роль, добавляясь к классическим факторам производства – труду, земле и капиталу [1]. Обладание информацией становится движущей силой трансформации и развития такого общества. Экономическое и социальное развитие, качество жизни все больше зависят от информации и от того, насколько эффективно ее использование [5, с. 34].

К основным чертам информационного общества относят:

1. Возрастание значения информации и теоретического знания.
2. Увеличение доли информационных коммуникаций, продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте.
3. Возникновение информационного пространства, которое носит глобальный характер и обеспечивает эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам, удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах.

Вне всяких сомнений, черты информационного общества присущи современному обществу интернета и социальных платформ, что в свою очередь порождает эффект «думающей и говорящей толпы», объединяемой информационным полем.

Такая конструкция рождает, прежде всего, недопонимание места человека и личности в этом поле, а значит и немало новых страхов, связанных непосредственно с новой реальностью, на двух из которых остановимся подробнее. Первый из них – это *техностресс*.

Формулирование изначальной концепции техностресса принадлежит К. Броду. Он определяет техностресс как современное заболевание адаптации, вызванное неспособностью справиться с новыми компьютерными

технологиями в здоровом состоянии. То есть для Брода техностресс – это форма расстройства адаптации.

К. Ванг также занимался проблемой техностресса и говорил о том, что техностресс является отражением неуверенности, страха, напряженности и беспокойства человека, когда он непосредственно изучает и использует компьютерные технологии, или косвенно, что, в конечном счете, приводит к психологическому и эмоциональному отторжению и препятствует дальнейшему обучению или использованию компьютерных технологий [10, р. 3004].

Второй страх связан с увеличивающимся риском остракизма в информационном типе общества. И именно этот страх имеет непосредственное влияние на антропологию страха политического. Проистекает этот страх из манипуляций «думающей и говорящей толпы» и объясняется следующим:

Современный этап развития информационного общества отличается тем, что целью манипуляций больше не является попытка заставить человека действительно поверить в эти манипуляции. Но задача состоит в том, чтобы дестабилизировать отдельного человека для того, чтобы принимать нерациональные решения, потому что человеком, который действует не рационально, а аффективно, очень легко манипулировать снова.

Средствами такой манипуляции как раз выступают инструменты информационного общества, различные медиа и платформы. Медиа – это специальная система создания конструкторов реальности. Это не система, которая поддерживает правду, но система, которая поддерживает определенную картинку, необходимую конкретному производителю медиа. Если такой производитель при этом исходит из благих намерений, профессиональной этики и т.п., то эта картинка будет корректной в определенной системе координат, но это не будет правдой. Эта картинка будет в любом случае снята под определенным углом, с определенным прицелом, и будет выкладываться на определенную платформу для определенной аудитории. Поэтому, по сути, мир информационного общества не состоит из правд, но состоит из манипуляций.

Более того, в обществе не бывает одной реальности. Не бывает так, чтобы все люди между собой согласились с тем, что такое хорошо, а что такое плохо. Трагедия человека в том, что никогда персональная картина мира не соответствует тому, что есть вокруг.

Интерсубъективная реальность – это реальность, которая возникает на стыке разных точек зрения [2, с. 240-241]. У каждого человека есть ряд когнитивных искажений, ряд представлений, в которые он верит. И человек при этом искренне считает, что именно это является объективной реальностью, что именно так оно и есть. В информационном обществе сила и свойства интерсубъективной реальности кратно увеличиваются, потому что человек еще больше убеждается в правоте своей точки зрения, формируя вокруг себя информационные пузыри друзей, близких сообществ и опыта.

Однако такая реальность существует ровно до тех пор, пока человек не натывается на что-то, что не подходит под то, во что он искренне верит, что существует в рамках его интерсубъективной реальности. При таком столкновении человеку не остается ничего другого как перепрошивать и перепродумывать свой «мир», потому что картина реальности резко перестает соответствовать картине его представлений.

Онлайн коммуникация – это коммуникация устно-письменная, которая порождает особый стиль использования языка и упрощение позиций. Глубокие размышления об истинной природе вещей все меньше и меньше находят сторонников в сети в отличие от резких высказываний, занимающих крайние позиции: либо «за» либо «против», что в свою очередь ведет к размежеванию общества точно на два лагеря.

Такой стиль общения позволяет человеку вычленять из всей информации лишь то, что подтверждает его точку зрения, что согласуется с его позициями, а также то, с чем он точно не согласен. И даже если в онлайн дискуссии участвует человек, который готов последовательно отстаивать позицию с разных сторон, показывать многообразие цветов и оттенков позиции, то следующие коммуникаторы будут обязательно все это упрощать – либо

солидаризироваться, либо вступать в конфликт. И в итоге все равно останется две консолидированные позиции.

Влияет ли такой стиль онлайн коммуникации на офлайн стратегии взаимодействия в обществе?

Предложенная немецким политологом Элизабет Ноэль-Нойман [4, с. 30], концепция спирали молчания предполагает, что носители менее популярной точки зрения чаще всего предпочтут промолчать, а потому в информационном пространстве останутся только носители популярной точки зрения. Казус спирали молчания в информационном обществе усиливается не только потому, что не остается никакого другого мнения кроме популярного или гегемонного, но и потому, что человек перестает говорить, чувствуя вероятность столкнуться с остракизмом. А это, безусловно, является крайне болезненным. И именно в тот момент, когда человек высказывает непопулярное мнение, он может увидеть, что у него нет никакой поддержки, что он не принадлежит ни к какой группе, или что ни одна группа не захочет за него вступить.

В онлайн коммуникации гораздо большее количество видимых людей, гораздо большее количество людей, которые могут говорить и имеют право голоса на самых различных площадках. Публичное пространство становится открытым для всех или почти для всех, но страх остракизма никуда не исчезает, но кратно увеличивается. А поддерживается он во многом благодаря тому, что за счет появления большего количества людей, которые говорят, появилась и большая нюансировка позиций свой-чужой. То есть вместо того, чтобы получить поддержку, в сети человек скорее всего получит спектр вопросов и уточнений от разных лагерей, которые придут к нему с претензиями или в лучшем случае с уточняющими позициями вопросами. Поэтому страх того, что сеть от тебя все время будет требовать все большего и большего самоопределения только усиливает спираль молчания и снижает уровень доверия в обществе в целом.

Воспроизводство определенных ценностей как метод коммуникации, связывающий общество и обеспечивающий доверие внутри него, больше не

работает. На смену ему приходит аффект, конкурирование конструкторов реальности, информационное противостояние, и манипуляции людьми как следствие.

Таким образом, информационная стадия развития общества порождает не только новые коммуникативные возможности, но и новые страхи, в том числе усиливая страх остракизма, который напрямую влияет на модель взаимодействия людей в общественно-политическом аспекте.

Реальность или реальности информационного общества ни в коей мере не исключают наличие страха как фактора политического процесса. Напротив, страх, как и в естественном состоянии в теории Гоббса, является двигателем истории общественных и политических отношений. Если из естественного состояния страх подталкивает людей к выходу в состояние общественное, то куда ведет страх, возникающих в ходе манипулятивных диктатур информационной эпохи? Совершенно очевидно, что страх является неким спусковым крючком, который призван перенести общество из одного состояния в другое. Если конкретно взятое состояние непременно сопряжено со страхом, то, как и в естественном состоянии, люди будут пытаться искать выходы для преодоления этого страха, и не всегда такое преодоление может носить институциональный характер. Именно страх создает условия для того, чтобы люди, опасаясь друг друга, предпочли передать суверену всю полноту власти. А значит именно страхи, возникающие в эпоху информационного общества, могут способствовать обратной эволюции от манипулятивной диктатуры к диктатуре страха и поддерживать последнюю.

Список литературы:

1. Васильева С.Е. Проблема человека в “информационном обществе” [Электронный ресурс] // Журнал института наследия. 2021. № 1 (24). URL: <https://bit.ly/3i1EQn9> (дата обращения: 12.11.2022).
2. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, 2001. 315 с.

3. Левинсон А. Права и свободы [Электронный ресурс] // Левада-Центр* [сайт]. 22.11.2021. URL: <https://bit.ly/3jHz76m> (дата обращения: 12.11.2022).

4. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир. 1996. 352 с.

5. Савченко С.В., Юнис Х.М. Эволюция понятий «информационное общество» и «цифровая экономика» // Труды БГТУ. 2020. Сер. 5. № 2. С. 33-37.

6. Трейсман Д. Обратная эволюция манипулятивной диктатуры [Электронный ресурс] // Re:Russia [сайт]. 2022. URL: <https://bit.ly/3IvN5mz> (дата обращения: 12.11.2022).

7. Gleditsch N.P., Pinker S., Thayer B.A., Levy J.S., Thompson W.R. The decline of war // *International Studies Review*. 2013. Vol. 15. No 3. P. 396-419.

8. Guriev S., Treisman D. Spin dictators: The changing face of tyranny in the 21st century. Princeton: Princeton University Press, 2022. XI, 340 p.

9. Snyder T. War no more: Why the world has become more peaceful [Reviewed work: “The better angels of our nature: why violence has declined” by Steven Pinker] // *Foreign Affairs*. 2012. Vol. 91. No 1. P. 153-159.

10. Wang K., Shu Q., Tu Q. Technostress under different organizational environments: An empirical investigation // *Computers in Human Behavior*. 2008. Vol. 25. Issue 6. P. 3002-3013.

* признан в РФ иностранным агентом

Сведения об авторе:

Власова Ольга Юрьевна – кандидат политических наук, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия).

Data about the author:

Vlasova Olga Yurievna – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of State Academic University for Humanities (Moscow, Russia).

E-mail: olya.vlasova@gmail.com.